

DOI: 10.15372/HSS20220401

УДК 94(47)“1917/1922”

**В.М. РЫНКОВ, А.В. ВЕНКОВ, О.Г. БУХОВЕЦ, А.В. ГАНИН,
Б.И. КОЛОНИЦКИЙ, О.А. СУХОВА, Л.В. ЛАННИК, Т.В. КОТЮКОВА,
В.В. ЖУРАВЛЕВ, В.И. ГОЛДИН**

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОБЫТИЯ 1917–1922 гг. В РОССИИ: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ИЛИ ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ?»

5–7 сентября 2022 г. в Институте истории СО РАН состоялась Международная научная конференция «Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности», посвященная 100-летию завершения Гражданской войны в России. На заключительном круглом столе участники конференции обменялись мнениями по итогам войны, обсудили проблемы исторической памяти о ней и исторических уроков. В целом круглый стол показал, что существует интерес и возможность изучать эпоху Гражданской войны в совокупности «исследовательских регистров»: и как единое явление, и как серию пересекающихся гражданских войн с учетом международного контекста, привлекая материал о территориях, сопредельных с Россией, наконец, рассматривая события в локальных рамках и оптике микростории.

Ключевые слова: Гражданская война в России, революция, антибольшевистские выступления, Красная армия, национальные движения, крестьянское движение, Первая мировая война.

Вадим Маркович Рынков – д-р ист. наук, директор Института истории СО РАН, Новосибирск, e-mail: director@history.nsc.ru

Андрей Вадимович Венков – д-р ист. наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета / Южного научного центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, e-mail: andrey_venk@rambler.ru

Олег Григорьевич Буховец – д-р ист. наук, профессор Белорусского государственного экономического университета, Минск, e-mail: o_bukhovets@tut.by

Андрей Владиславович Ганин – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, Москва, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Борис Иванович Колоницкий – д-р ист. наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, e-mail: boris_i_kol@mail.ru

Ольга Александровна Сухова, д-р ист. наук, профессор, декан историко-филологического факультета Пензенского государственного университета, e-mail: savtemp@yandex.ru

Леонтий Владимирович Ланник – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, e-mail: leo-lannik@yandex.ru

Татьяна Викторовна Котюкова – канд. ист. наук, заведующая сектором истории Центральной Азии Института всеобщей истории РАН, Москва, e-mail: kotyukovat@mail.ru.

Вадим Викторович Журавлев – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, Новосибирск, e-mail: vvzh@mail.ru

Владислав Иванович Голдин – д-р ист. наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Vadim M. Rynkov – Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of History SB RAS, Novosibirsk.

Andrey V. Venkov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Laboratories of the Cossacks, Federal Research Center Southern Scientific Center RAS, Rostov-on-Don.

Oleg G. Bukhovets – Doctor of Historical Sciences, Professor, Belarusian State Economic University, Minsk.

Andrey V. Ganin – Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow.

Boris I. Kolonitskiy – Doctor of Historical Sciences, Professor, European University in St. Petersburg, Leading researcher, St. Petersburg Institute of History RAS.

Olga A. Sukhova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean, Faculty of History and Philology, Penza State University.

Leontiy V. Lannik – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of World History RAS, Moscow.

Tatiana V. Kotukova – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Central Asian History, Institute of World History RAS, Moscow.

Vadim V. Zhuravlev – Candidate of Historical Sciences, researcher, Institute of History SB RAS, Novosibirsk.

Vladislav I. Goldin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk.

ROUND TABLE “EVENTS OF 1917–1922 IN RUSSIA: CIVIL WAR OR CIVIL WARS?”

V.M. RYNKOV, A.V. VENKOV, O.G. BUKHOVETS, A.V. GANIN,
B.I. KOLONITSKY, O.A. SUKHOVA, L.V. LANNIK, T.V. KOTYUKOVA,
V.V. ZHURAVLEV, V.I. GOLDIN

On September 5–7, 2022, the Institute of History of SB RAS hosted the International Scientific Conference “Civil War in Russia: issues of exit, historical consequences, lessons for the modernity” dedicated to the 100th anniversary of the end of the Civil War in Russia. At the final Round Table, the conference participants exchanged views on its results, discussed the issues of historical memory about it and historical lessons. In general, the Round Table showed that it is possible to study the Civil War era in a variety of “research registers” such: a Civil War in general, a series of intersecting civil wars in an international context drawing on materials from the territories adjacent the Russian Empire, and, finally, considering events in the local frames and microhistory optics.

Key words: Civil war in Russia, revolution in Russia, anti-Bolshevik forces, Red Army, national movements, peasant movements, World War I.

В.М. Рынков. Тема нашего сегодняшнего обсуждения такова: сколько было гражданских войн?

Сейчас существует два подхода к ответу на этот непростой вопрос. Один подход – традиционный. Со всеми оговорками, что Гражданская война в таком обществе, как распавшаяся Российская империя, – это явление, трудно приводимое к одному понятию. Его сторонники рассматривают Гражданскую войну как единое явление и единый этап в жизни страны. Большинство историков, даже отказываясь от такого одностороннего наследия советской историографии и споря друг с другом о хронологических рамках Гражданской войны, продолжают придерживаться этого понимания единой Гражданской войны.

Существует и другой подход, который появился лишь в последние десятилетия и, как сказал Джонатан Смиль, позволяет снять многие противоречия историографического процесса. Когда-то японский исследователь Харуки Вада продемонстрировал подобный подход по отношению к Первой русской революции, предложив считать ее не цельной революцией, а пучком, переплетением самых разнообразных революций: национально-освободительных, пролетарской, крестьянской, солдатской. Если при определенных исследовательских задачах анализировать каждую из них отдельно, предполагая, что у каждой существуют собственные закономерности развития, собственная динамика, то нам, как подчеркивал исследователь, откроются новые эвристические возможности, оставшиеся скрытыми при анализе революции как единого процесса. В принципе, то же самое предлагается сделать применительно к Гражданской войне: рассматривать отдельные ее очаги и потоки как самостоятельные гражданские войны, а эту войну не как единый сложный процесс, а как переплетение разных гражданских войн.

Самый известный из авторов, придерживающийся такого подхода, – это Джонатан Смиль, высту-

пивший с книгой «Гражданские войны России: 1916–1926» [Smele, 2015]. В этой книге он предлагает расширить хронологические рамки Гражданской войны. В российской историографии его книга неоднократно рецензировалась и вызвала достаточно много критики, особенно критиковался предложенный им рубеж окончания Гражданской войны. Его Смиль обозначает 1926 г., ссылаясь на решение совершенно частного вопроса – изменения системы военного управления Средней Азии. Но, по крайней мере, вопрос о том, можно ли воспринимать 1916-й год как начало Гражданской войны, в российской историографии в свое время активно дискутировался и нашел своих сторонников. Восстание в Туркестане и Степном крае настолько было масштабно и тесно связано с последующими событиями, что если анализировать историю Гражданской войны в территориальных рамках Казахстана и Средней Азии, и не борьбу красных и белых, а историю национальной борьбы, то можно вполне согласиться с таким пониманием войны, датируя ее с 1916 до 1921 или 1922 г. Это открывает возможности увидеть более глубокие взаимосвязи событий. Возникает впечатление о целесообразности такого исследовательского подхода и для других регионов, и для России в целом: к каждому локальному региону следует применять свои хронологические рамки и проследить отдельно разные составляющие противостояния как отдельные войны.

Кроме того, обращают на себя внимание два момента, на которых хотелось остановиться. До военного обострения, готовя эту конференцию, еще в декабре, я беседовал с украинскими коллегами и предлагал им поучаствовать в нашей дискуссии. Получил несколько неожиданный ответ, который является, на мой взгляд, таким обостренным до предела результатом реализации именно этого второго подхода. Ответ был таков: «Мы готовы участвовать в дискуссии по вашей гражданской войне. На Украине-то граждан-

ской войны не было, была первая советско-украинская война и вторая советско-украинская война. Мы ее проиграли, интервенты пришли и нас завоевали. Ну вот, собственно говоря, и вся дискуссия. Если вы готовы нас слушать – то пожалуйста, ничего другого мы вам предложить не можем». Я пытался оспорить это мнение: «Ну как же, столько свидетельств внутренних конфликтов на территории современной Украины, вспыхнувших искрами Гражданской войны... Но, «нет, это – ваша гражданская война». Конечно же, это обостренный вариант реализации такой концепции, но похожие трактовки присутствуют и в других национальных историографиях, в которых события на современных национальных территориях рассматриваются достаточно изолированно. На самом деле, если на территории ныне существующего государства на постсоветском пространстве события анализировать изолированно, то может сложиться впечатление, что это самостоятельная Гражданская война. Причем, даже в тех случаях, когда не возникает предложение вообще не считать Гражданскую войну гражданской, в историографиях Грузии, Азербайджана, Казахстана и других современных государств она представляется в иных хронологических рамках и как некий автономный процесс, потому что в фокус изложения попадают те сюжеты, которые в общероссийском имперском пространстве выглядят второстепенными.

Второй момент, который хронологически возник раньше. Речь идет о книге Александра Сергеевича Пученкова «Украина и Крым», где очень детально описывается история белого движения на Украине, история русского национального общественного движения, анализируются дискуссии, которые возникали в русскоязычной прессе. Хорошо видно, что там, на Украине, много всего было связанного с русским миром. Украинская историография вся концентрирована на украинской революции и исследует все этапы ее сложного государственного строительства, но без учета присутствия русских, действующих на той же самой территории и продолжавших играть как минимум равнозначную, а в каких-то эпизодах и преобладающую роль в событиях по сравнению с украинским национальным движением. Тогда у меня впервые возникло понимание, что если мы выделяем всю эту цепочку гражданских войн как самостоятельных украинских, грузинских, иных, мы обедняем исторический процесс, искусственно теряя единый сложный комплекс противоречий, которые наблюдаются и в политической, и в военной сферах. Таким образом, применяя концепцию цепочки и переплетения разных гражданских войн, мы, приобретая некоторые позитивные исследовательские результаты, в целом все-таки многое упускаем в нашем видении единого исторического процесса.

Высказываясь в пользу единства Гражданской войны на всем постимперском пространстве, мы ни в коем случае не придерживаемся имперского взгляда на прошлое, в чем нас периодически упрекают. Это такой исследовательский проект, реализуя который, нам надо пытаться анализировать единый процесс во всех государствах, которые сейчас являются независимыми, но тогда таковыми не были. В условиях распадающегося имперского пространства они характеризовались схожими противоречиями, очень тесными взаимосвязями, и, что очень важно, включали элементы русского мира, других диаспор, существовавших на этих территориях где-то задолго до революции, где-то в течение более ограниченного времени. Во время революции и Гражданской войны все усложнилось новыми потоками мигрантов из Центра на окраины. Следовательно, наряду с национально-освободительным движением на окраинах существовали иные движения, в том числе русского населения. Все эти факторы корректировали и политическую, и военную составляющие Гражданской войны на постимперской периферии. Соответственно, если мы начнем делить Гражданскую войну на национальные, пролетарские, солдатские и другие отдельные гражданские войны, то мы можем многое упустить, огромное количество важных деталей окажется выброшено из общего исторического процесса.

А.В. Венков. Гражданская война, по моему мнению, сорвала мировую революцию, ради которой большевики брали власть в России. Давайте вспомним «Апрельские тезисы», «Прощальное письмо к швейцарским рабочим» и пр. Для чего бралась власть в России? Для того чтобы подтолкнуть революцию в Европе. Даже несмотря на то, что пролетариат в России вместе с семьями составлял 8 % населения, революция была объявлена социалистической. В ноябре 1917 г. в подготовительных документах В.И. Ленин пометил: «Признание революции 25. X. за социалистическую революцию» [1974а, с. 424]. Далее, если мы вспомним, все эти перипетии с Брестским миром, затем события 1918 г., то станет ясно, что большевики тянули время, ждали революцию в Германии, чтобы рвануть туда. Последний такой всплеск – 1921 год, выступление Ленина на X съезде, когда он говорил, что большевики вынуждены идти на уступки крестьянам, «пока не наступила революция в других странах» [1970, с. 59]. Была введена «новая экономическая политика».

Посмотрите: надежда на революцию в Германии не оправдалась, поскольку немцы подписали Брестский мир. Для того чтобы удержаться у власти, большевики пропагандируют гражданскую войну. В Московском совете был провозглашен лозунг: «Да здравствует Гражданская война!». Логика такова: пусть все здесь пока подерутся между собой, а они подождут

революцию в Германии. Далее, революция в Германии все-таки происходит, но в это время в России уже слишком далеко зашли внутренние конфликты. III съезд Советов провел социализацию земли таким образом, что в казачьих районах, где казаки раньше сдавали землю в аренду крестьянам и теперь этой земли лишились, началась настоящая резня... Это от начала до конца 1918 года. Наконец революция в Германии происходит, Австро-Венгрия разваливается, а в директивах Красной армии что планируется? Мощнейшее наступление на запад, наступление на юг. По плану войска Южного фронта должны были выйти к Черному морю и повернуть на Румынию. То есть, готовилось мощнейшее наступление на Европу. Однако казаки не дают уйти с юга – постоянные восстания. Наступление вдоль Черного моря в Европу срывается. Далее, 1919 год, революция в Баварии, революция в Венгрии, но «империалисты» толкают Колчака ударить с востока, сорвать наступление большевиков на запад. «Национальные формирования» недавно созданных государств перекрывают им дорогу на Запад. Большевики до Вильно дошли, а там – поляки. Погнали украинцев, петлюровские войска выгнали в город Житомир, Одессу заняли, большое, казалось бы, наступление. Однако – выступил Колчак, восстания на юге... Деникин начал наступление, не дал разбить поляков – наступление застопорилось. 100 км до Венгрии не дошли, там революцию успели подавить румыны и др.

Давайте вспомним написанное в августе 1919 г. письмо Троцкого Ленину, где он предлагает отдать Украину Деникину. Мол, то большевики крестьянские восстания на Украине давили, пусть их теперь давит Деникин. Не получилось пока в Европе, поэтому Троцкий предлагает создать 60-тысячный конный корпус и бросить его на Восток, в Афганистан, в Иран, поднять там антиколониальное восстание. То есть большевики рвутся из России, потому что то, что они в России устроили, их удовлетворить не может. Они не к этому стремились. Сам Ленин написал: «Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять». В той же статье добавляет: «Понятно, что у руководящей революционным пролетариатом партии не могло сложиться опыта и навыка больших, на миллионы и десятки миллионов граждан рассчитанных, организационных предприятий, что переделка старых, почти исключительно агитаторских навыков – дело весьма длительное» [1974б, с. 172, 193]. То есть в России власть взяли, а научиться управлять – «дело весьма длительное».

Выйти из этой ситуации быстро не могли. После этого происходит последний поход Гражданской вой-

ны – Польша. С поляками не удалось. Почему? Свою роль сыграла массовая, огромная крестьянская армия, при царе в Первую мировую войну – 9-миллионная. Большевики создали 5-миллионную крестьянскую армию и поставили во главе ее кого? Бывших царских офицеров. Однако это патриотическая сила. Какая тут уже мировая революция? Что они в Европе забыли? Они языками не владеют.

Главная ударная сила большевиков на польском фронте – 1-я конная армия – дошла до г. Броды, до старой австро-венгерской границы, и на полтора месяца забуксовала. Политкомы докладывали, что главный вопрос у бойцов – где граница? За границу не пойдём...

Итак, созданная большевиками система не дала им подтолкнуть революцию в Европе. Значит, надо было как-то мириться. Отсюда все эти амнистии бывшим белым, амнистии репатриантам, отсюда идея восстановления страны. Я не думаю, что это была их такая суперидея.

Наконец, подписание Союзного договора – создание Советского Союза. Сверхидея этого договора была какая? Вспомните, Раковский напомнил Ленину, что начинали все это ради мировой революции. Если создается социалистическое государство, то это не значит, что восстанавливается Россия. Революционная Румыния войдет в состав революционной России? Революционная Германия войдет в состав России? Нет! Надо создать такое государство, где в названии не было бы слова «Россия». Придумали «нейтральный» вариант названия – «Союз Советских Социалистических Республик Европы и Азии». Таким образом готовились клише, матрица для объединения всех революционных стран в будущей мировой революции. Однако революция заканчивалась. У большевиков в Европу идти не было сил. В Европе тоже навоевались, пролили много крови и затихли.

Итак, на этой разразившейся у нас, невероятно кровавой и беспощадной, Гражданской войне большевики надорвали силы. Вот почему мировая революция, как они считали тогда, откладывалась. В этом великая историческая роль нашей Гражданской войны.

О.Г. Буховецко. Я хочу начать с того известного, особенно крестьяноведам, остроумного определения Маркса относительно того, что крестьянство образует собою класс примерно в том же смысле, в котором мешок картофелин образует мешок картофеля. Поэтому я хотел бы привлечь ваше внимание, к тому, что, допустим, для Белоруссии Гражданская война в «классическом» понимании была сугубо периферийным явлением. Воспользуюсь присутствием здесь В.И. Голдина и других компетентных специалистов и напомню, что если взять даже такие наиболее извест-

ные проявления Гражданской войны на территории Белоруссии, как выступление Стрекопытова («стрекопытовщина») или «авантюра Булак-Балаховича», то длились они лишь по нескольку дней. То же самое можно сказать и о псевдовосстании, в котором якобы участвовали крестьяне 15 волостей Слуцкого уезда. На самом деле никакого восстания там не было. Однако националистическая мифология (которую так впечатляюще практикуют сейчас наши украинские коллеги), белорусская националистическая мифология, опирается, в частности, именно на «Слуцкое восстание».

Зато для Белоруссии несравненно более значимым был фактор военной оккупации в годы Гражданской войны. 1-й Польский корпус Довбор-Мусницкого, когда он объявил войну советской России и отказался повиноваться советскому командованию, то сделал это тогда, когда еще продолжалось советско-германское перемирие. Поляки объявили о создании на территории пяти белорусских уездов «Независимой республики Довбория». Германские оккупационные власти санкционировали этот нелепый проект, и польские легионеры обложили местное население дичайшими акцизами и налогами: даже на кошек, собак и т.п. Им ведь надо было как-то кормиться, ибо немцы-то в Белоруссии выгребали уже подчистую все, и после них ничего не оставалось.

Как вы знаете, по состоянию на 1918 г. западная часть белорусских губерний находилась под германской оккупацией уже почти два с половиной года, а после немецкого выступления в феврале–марте 1918 г. все они без малого были заняты немецкими войсками. Расширение немецкой зоны оккупации Белоруссии произошло в силу крайней слабости молодой советской России, а вовсе не по причине усиления Германии: последняя в 1918 г. как раз стремительно слабела. Отсюда и привлечение немцами украинцев, поляков и в меньшей степени литовцев к обеспечению оккупационного режима на занятой территории. Особенно страдали жители Белоруссии от «партнерства» немцев в этом ключе с украинцами и поляками. Последние после эвакуации весной 1919 г. германских гарнизонов из Западной Белоруссии и перехватили у немцев оккупационную «эстафетную палочку». Поэтому большая часть 1919 и 1920 гг. для Белоруссии прошла уже под знаком польской оккупации.

Такова выраженная специфика Гражданской войны в таком крупном регионе Европейской России, как белорусские губернии с их 9-миллионным населением. Типологическую общность процессов этой войны в разных частях огромной России, с одной стороны, не нужно «дорисовывать», но с другой – нельзя, как это сейчас делают (в частности, украинские историки) и отрицать ее.

А.В. Ганин. Тема нашего круглого стола звучала как Гражданская война или гражданские войны. Из этого и буду исходить. Ответ таков: с одной стороны, конечно, и Гражданская война, и гражданские войны. Рассмотрим несколько моментов. Во-первых, каждое из возникших на руинах старой России национальных государств вело свою борьбу за независимость. Возникали конфликты по самым разным направлениям, причем не обязательно с участием России. По национальному вопросу или по территориальному. Это были и армяно-грузинская война, и польско-украинская, и армяно-азербайджанский конфликт, грузино-абхазский, боевые действия красных и белых против Украинской народной республики (причем с каждой стороны участвовали тогда этнические украинцы), Советско-польская война, финская гражданская война и т.д. Но даже наименование «гражданские войны», на мой взгляд, не всегда подходит, так как это были не только межнациональные или социально-политические конфликты внутри тех или иных государств, но и конфликты между независимыми государствами. Разумеется, с учетом общего прошлого этих постимперских территорий всегда можно найти какие-то элементы Гражданской войны. Например, во главе советских и польских войск часто стояли прежние товарищи по службе в русской армии. Занимаясь кадрами Генштаба, я прослеживаю буквально, когда бывшие однокашники по академии оказывались по разные стороны линии фронта не только применительно к столкновениям белых и красных, но и в случае боевых действий Красной и польской армий.

Что касается партийного аспекта, то эсеры, например, вели свою Гражданскую войну, причем не только в России, – боролись и против красных, и против правого спектра антибольшевистского лагеря, а большевики вели свою. Можно вспомнить и различные национальные движения – башкирское, казахское, которые также вели свою борьбу, движение басмачей, о котором шла речь на конференции.

Можно вспомнить и различные социальные группы. У нас написана крестьянская история Гражданской войны, целые тома – про махновщину, антоновщину и т.п. Но то же самое справедливо и по отношению к рабочим, интеллигенции, офицерству. Собственно то, чем я занимаюсь, это пытаюсь написать историю Гражданской войны как историю внутрикорпоративного конфликта офицерства и, прежде всего, военной элиты в лице офицеров Генерального штаба. Можно вспомнить казачество, которое вело свою борьбу. А есть еще и микроуровень, на котором одни деревни воевали с соседними, казаки с иногородними, переселенцы с коренным населением и т.д. Некоторые конфликты тянулись с дореволюционного времени. Например, события восстания 1916 г. в Туркестане повлияли на расклад сил в регионе в Граж-

данскую войну. Тогда многие вожаки повстанцев стали видными большевистскими деятелями. Бывшие переселенцы в основном поддержали красных; казаки («киргизы» – как тогда называли современных казахов) выступили на стороне белых. Восстание 1916 г. способствовало формированию басмачества. Поэтому я думаю: была и Гражданская война, и гражданские войны, но, как уже показал на ряде примеров, происходившее в 1917–1922 гг. не укладывается и в рамки определения «гражданские войны». Можно говорить, как и делают некоторые исследователи, об эпохе войн и конфликтов на постимперском пространстве. Так, вероятно, будет точнее всего. Хотя и здесь есть серьезные исключения. Например, в 1920–1921 гг. части Красной армии совершили ряд экспедиций за пределы страны либо в целях советизации соседних территорий, либо в целях ликвидации там антибольшевистских сил. Наиболее известна советская экспедиция в Персию в 1920 г., но также можно вспомнить (и это ближе к востоку России) походы Красной армии в 1921 г. в Северо-Западный Китай для ликвидации сил генерала Бакича и в Монголию – для ликвидации сил Унгерна. В общем, любая систематизация имеет, конечно, свои издержки, главное – понимать, зачем она нужна и что добавляет к осмыслению тех событий. Подводя итог, можно сказать, что Гражданская война не ограничивается каким-то одним определением, какими-то рамками, как человеческую жизнь невозможно ограничить какими-то рамками, кроме временных.

Б.И. Колоницкий. Итак, «Гражданская война» или «гражданские войны»? Я полагаю, что в науке нет «универсальных отмычек», годных для всех ситуаций и понятий: для разных задач нужны разные «ключи». Соответственно, ответ на этот вопрос зависит от исследовательской задачи и от тех рабочих определений, которые мы используем.

И вряд ли мы сможем найти устраивающий всех ответ. Разумеется, мы должны дать совершенно ясный ответ тем людям, которые создают учебники, определенный ответ школьникам и студентам (хотя студентов и можно уже ознакомить с мыслью о том, что не все важные вопросы имеют один-единственно верный ответ). Конечно, задачи преподавания требуют от нас некоторой «дидактической редукации»: мы ограничены учебным временем, которое отводится на изучение той или иной темы, объемом учебника и пр. Существует к тому же и уже сложившаяся образовательная традиция, которую мы не можем не учитывать, от которой нам следует отталкиваться. Все уже привыкли, например, к тому, что существует определенная периодизация российской истории XX в., в которой важное место занимает Гражданская война. Здесь и не стоит особенно менять устоявшиеся хронологические рамки, хотя студентов-историков, на-

верное, нужно познакомить и с тем, что разные исследователи – и по очень разным причинам – отказываются вообще от использования термина «гражданская война» применительно к сложнейшему комплексу конфликтов, развивавшихся под воздействием Первой мировой войны и революции.

Есть задачи под большие, амбициозные проекты, скажем, том в многотомной истории России; сам жанр такой публикации, задающей некоторые ориентиры, должен зафиксировать сложившийся консенсус, отражая его и в ясных, однозначно понимаемых определениях, и в четкой периодизации. Но можно с большой долей уверенности предположить, что вряд ли этот консенсус устроит всех исследователей: слишком различаются и объекты их описания, и их методология.

Обобщающие работы неизбежно уделяют большое внимание взгляду из «кабинетов власти», они непременно должны смотреть на ситуацию, реконструируя решения важнейших политических акторов и контекст принятия этих решений. Но важнейшее направление современной историографии – и наиболее, на мой взгляд, интересное – это изучение Гражданской войны на местах. В лучших своих проявлениях указанное направление дает удачное соединение глобальной и локальной истории, но и тщательное изучение особенностей гражданских войн позволяет увидеть большие региональные особенности на уровне губерний, уездов, а порой даже и волостей. Наряду с изучением имперского измерения Гражданской войны (интерес к этой теме явно усилился после распада СССР) все это заставляет говорить о разнообразии конфликтов и своеобразии их протекания на различных территориях.

Вопрос о хронологических рамках Гражданской войны (или гражданских войн?) также связан и с используемыми определениями, и с территориальными рамками рассматриваемых явлений. Например, в отечественной историографии советско-польская война включалась в Гражданскую войну. А почему, собственно? Советская историография обосновывала это, предлагая схему «походов Антанты». Но все ли сейчас готовы согласиться с такой аргументацией? Бесспорно, довольно сложно оторвать советско-польскую войну от событий Гражданской войны, но все же это иной тип конфликта. С проблемой «вписывания» польской ситуации в разнообразные конфликты региона сталкиваются не только российские историки, достаточно упомянуть довольно известную книгу Йохена Белера «Гражданская война в Центральной Европе» [Böhler, 2018]. В ней речь идет о различных конфликтах вокруг Польши и внутри Польши. Кроме того, в этой книге показывается, что польская картина общенационального объединения не совсем соответствует действительности. Автора интересуют и

пограничные с Польшей территории (белорусские, литовские, украинские), но от анализа «российской» Гражданской войны он уклоняется, хотя ее влияние нам кажется очевидным. Для нас же это ставит вопрос о территориальных границах такого сложнейшего явления, которое мы традиционно называем гражданской войной.

Я не думаю, что в ближайшее время будет найдено какое-то общее и единое для всех определение понятия «гражданская война». Это проявляется и в том, что акторы, политическая направленность которых кажется нам совершенно очевидной, при ближайшем рассмотрении оказываются сложными и сложносоставными. Я бы привлек внимание исследователей к такому источнику, как опубликованный недавно перевод с латышского стихов Александра Чака. Он сам не был латышским стрелком, но он в Латвии общался с ветеранами в 1920–1930-е гг. и на основании их рассказов писал стихи. Это был мемориальный проект, история о том, как некоторые латышские стрелки придумывали себе героическое прошлое в условиях независимой Латвии. Один эпизод: стрелки едут после Крыма через какой-то провинциальный город, их торжественно встречают, музыка играет «Интернационал», море красных флагов, и вдруг местный чекист видит на штабном вагоне красно-бело-красный латвийский национальный флаг. Разворачивается страшный скандал, в ходе которых стрелки отстаивают свой символ и угрожают чекисту. Если посмотреть на жизненные траектории многих латышских стрелков, то этот эпизод не представляется совершенно фантастическим. Традиционно красных латышей именовали идейными рыцарями революции, но позиция их части определялась их собственным видением латвийского национального проекта.

В заключении я хотел бы сказать, что мы должны в ходе конструктивных дискуссий оттачивать наши определения и уточнять периодизацию, но не менее важно искать сюжеты, объединяющие исследователей различных конфликтов «российской Гражданской войны», это принципиально важно для создания обобщающей истории Гражданской войны. Например, можно долго спорить о включении или не включении «украинской революции» в «российскую гражданскую войну», но никто из участников дискуссии не сможет игнорировать ни труды А.В. Ганина, посвященные сравнительному изучению жизненной траектории офицеров императорской армии, ни работы Л.В. Ланника, изучающего различные оккупационные режимы на постимперском пространстве.

Думаю, что перспективным было бы инициировать выполнение больших исследовательских проектов, которые могли бы объединить ученых из разных регионов и разных стран. Таким проектом могло бы стать сравнительное изучение «столиц» Гражданской

войны – городов, которые становились (иногда на короткое время) центрами политических и национальных проектов, ведь успех этих проектов во многом зависел от ресурсов – технологических, людских, символических – этих городов.

О.А. Сухова. Сама постановка вопросов, вынесенных для обсуждения, переводит дискуссию на новый теоретический уровень, позволяет дистанцироваться от эмоционально окрашенных и излишне политизированных суждений и, наконец, «договориться» о терминологии, о критериях определения понятий.

На мой взгляд, не стоит «множить сущности» и делить процесс гражданского противостояния на отдельные частные вариации: «гражданские войны», «малая гражданская война». Гораздо большее значение имеет интерпретация ментального измерения, «расшифровка» образов в сознании современников и практик социальной адаптации к «жизни в катастрофе», к экстремальной повседневности. По справедливому замечанию Б.И. Колоницкого, угроза Гражданской войны и страх перед эскалацией насилия в массовом сознании российского общества обновились уже летом 1917 г. еще до прихода большевиков к власти.

При этом важно учесть специфику восприятия и поведения основной массы населения страны – крестьянства. По всей вероятности, прологом гражданской войны следует рассматривать Первую мировую войну и, соответственно, перенос милитаризованных и маргинализированных оценок сознания многомиллионной крестьянской массы из окопов в тыловую повседневность. Фактор «человека с ружьем» (солдаты тыловых гарнизонов, дезертиры, демобилизованные) во многом определяет радикализацию настроений и эскалацию насилия в России уже весной-летом 1917 г. Концентрация военнотружущих в городах и перемещение значительных контингентов по линиям железных дорог чаще всего выступали стимулами возникновения и тиражирования погромных настроений.

Можно отодвинуть хронологические рамки гражданской войны еще дальше – к моменту крушения монархии. С точки зрения крестьянства, гражданская война начинается с момента реализации мифологии «черного передела». Первые крестьянские съезды, провозгласившие законность изъятия помещичьих земель, состоялись уже в конце марта 1917 г. «Гражданское противостояние», таким образом, было введено крестьянами явочным порядком. И несмотря на то, что крестьяне соглашались на тезис об окончательном решении земельного вопроса Учредительным собранием, к июню «черный передел» был уже фактически завершен. Вынужденные уступки со стороны земельных собственников вряд ли можно рас-

смагивать как стремление к гражданскому миру. Да и власти не обладали необходимыми ресурсами для противодействия незаконным действиям захватчиков. Поэтому гражданская война не исчерпывается борьбой за верховенство власти и военным противостоянием политических акторов: «красных» и «белых». Необходимо учитывать оси внутренней социальной интеграции и солидаризации.

В этом ключе и окончание Гражданской войны отодвигается на 1922 и даже 1923 гг., когда сходит на нет крестьянское повстанческое движение, получившее официальную маркировку в терминах «дезертирство» и «бандитизм». Защита крестьянского мира от посягательств извне, противостояние «выгребке» хлеба и принуждению к исполнению повинностей формировали новые горизонты Гражданской войны. Отправной точкой примирения и отказа от насилия как экстремального регулятора реалий повседневности, восстановления социально-политической интеграции будет изживание последствий голодовки и получение помощи от государства.

Л.В. Ланник. Мне кажется, мы находимся в таком состоянии, когда нарушен базовый принцип: не множить сущности сверх должного. А ныне сущности множат, и очень сильно.

Примеров можно привести массу. В частности, это касается «азербайджанской революции». Я могу ответственно сказать, что хотя слово «Азербайджан», безусловно, существовало к 1918 г., оно не применялось ни в конкретном географическом смысле, ни даже в этническом почти никем. Более того, образование Азербайджана (как его в дальнейшем называли в советской историографии – «мусаватистского») объяснялось, к примеру, в Германии очень просто: это была подготовка к будущей османской аннексии всего исторического Азербайджана, к аннексии Тебриза. Вот, собственно, и все. Если мы на таком основании будем допускать существование некой отдельной «Азербайджанской революции», то мы зайдем очень далеко.

Можно привести пример и из другого региона. У украинского исследователя М. Ковальчука его базовый труд называется «Битва двух революций» [2015]. Но тогда, скажите, а где границы той особой, отдельной украинской революции? И я слышу про «региональные специфики», но простите, никто меня не убедит в том, что на Волыни и в Одессе (я здесь еще беру далеко не полярные примеры) была одинаковая или очень схожая региональная специфика.

Констатируя политическую мифологию, мы, наверное, должны с ней не бороться (потому как это будет просто эмоция), а просто заняться поисками упомянутых Б.И. Колоницким «обручей». В этом сонме различных интерпретаций событий, быть может, есть смысл обратиться к чисто техническим условиям.

Действительно, на какой-то момент мы имеем 5–8 млн единиц стрелкового оружия на руках. Пока этого нет, можно кричать что угодно, бояться чего угодно, но гражданской войны не будет – не из чего стрелять. Соответственно здесь критически становится важно, как конкретно шла демобилизация и т.д. В общем, это техническое условие. Это первое.

Второй момент: надо смотреть на демографию. Мы имеем вполне четкие демографические данные, мы имеем крестьянскую молодежь, совершенно разболтавшуюся за те четыре года, пока отцы были на фронте. Мы имеем просто физически большое количество молодых людей, которые получают доступ к оружию. Как известно, Гражданская война в самых яростных своих проявлениях велась людьми, которые как раз на фронте-то (Первой мировой войны) и не были. Списывание ее ожесточения на «окопную болезнь», как известно, – давно опровергнутый миф.

Поэтому мне кажется, что обращение к технике и демографии, к базовым техническим, в широком смысле, условиям позволит прекратить тот шабаш вокруг несуществующих границ, на рассматриваемый момент не актуальных понятий.

По моему мнению, имеется еще одна важная проблема, которая была здесь поставлена А.В. Венковым, – проблема «экспорта революции». Должен сказать, что все упомянутые революции в Европе, что бы там себе ни приписывали большевики, вспыхнули не так, не тогда и, в общем-то, не по их заслугам. Это касается и Венгрии, и Баварии, и ноябрьской революции в Германии. Большевики все время либо не успевали, как в Болгарии (в сентябре 1918 г.), либо с трудом устанавливали хоть какие-то контакты к тому моменту, когда все уже было потеряно, как в Берлине (в январе 1919 г.). Здесь мы должны поставить вопрос о Гражданской войне в России, как о том конфликте, который выливался за ее пределы, и трансформация постимперских пространств должна все-таки рассматриваться на *всех* постимперских пространствах. Потому как границы были стерты фронтами Первой мировой войны и были больше не актуальны. Они и до этого были так... привычны, но не очень действенны.

Таким образом, надо иметь в виду гражданские войны, которые просто из наблюдаемого в России переносились в Австро-Венгрию, в Германию, в Турцию, и, конечно, далеко за границы российского Туркестана, не потому, что это была идеология или какие-то особо привлекательные отзвуки, а потому, что в России был продемонстрирован конкретный «технический» пример того, что можно сделать при наличии более или менее современного вооружения и при более или менее «подходящей» демографии.

Т.В. Котокова. Дискуссия интересная, и я согласна с Леонтием Владимировичем Ланником, я бы

тоже не множила сущности и не расширяла хронологические рамки. Например, то, что касается так называемого восстания 1916 г., я не вижу вообще никаких оснований считать это событие, или, вернее, – *эти события* частью гражданской войны.

Что такое гражданская война в России в классическом ее понимании? Это все-таки конфликт с какой-то идейно-идеологической основой и подложкой. Вроде бы имеется некая основа такого рода и у *восстаний 1916 г.* (я позволила ввести себе такой термин), но, на мой взгляд, это такой комплекс разнородных событий, которые вообще не были связаны между собой. Прежде всего, не обострилась бы ситуация в Туркестане, если бы не стечение определенных обстоятельств, если бы относительно коренного населения не было введено в действие (а потом отменено) это знаменитое высочайшее повеление о привлечении мужского инородческого населения. При этом между событиями, которые происходили в Тургайской области, событиями, которые происходили на территории Джизака, и событиями где-нибудь в пустыне за Каспием, не было никаких взаимосвязей. Не было ни общих движущих сил, ни общей идейной подоплеки, никаких общих лидеров.

Во многих местах «буза» закончилась за два дня, показались на горизонте какие-нибудь три казачьих подъесаула где-нибудь в районе Джизака, и на том события и завершились. В конечном итоге, это продемонстрировало нам лишь еще один межэтнический конфликт, пусть даже серьезный. Однако это, на мой взгляд, никак не может работать на гипотезу о начале на этих территориях *гражданской войны*. Я не берусь рассуждать о военной части «подавления», «усмирения», «ликвидации восстаний». Но то, что это не «начало гражданской войны», это абсолютно точно. Другое дело, что эти усмирения и эти перманентно вспыхивающие с разной амплитудой локальные выступления имели место от Семиречья и до Закаспия. Эта, так сказать, амплитуда привела нас еще и в начало 1917 г. Например, Закаспийская область, где и борьба с хивинским ханом, который угнетал туркмен, и борьба с узбекской правящей Хивинской династией, что соответствует всем признакам серьезного узбекско-туркменского межэтнического конфликта. Поэтому, когда в кабинетах азиатской части Главного штаба стали перед Первой мировой войной обсуждать идею о том, не усилить ли Текинское формирование казахскими волонтерами или призывниками, то начальник Закаспийской области и другие понимающие люди спросили: «А вам нужна межнациональная рознь?».

Поэтому я категорически против включения восстания или восстаний 1916 г. в контекст начала Гражданской войны. Мне кажется, что нам не хватает серьезной обобщающей работы, которая бы анализиро-

вала и сводила воедино мозаику этих «автономий», провозглашенных на постимперском пространстве в рассматриваемый период. Туркестанская была самая первая, но далее появились одна за другой Алаш, Башкирская, Украинская, Сибирская... Необходимо проанализировать эти феномены, насколько они «корреспондировали» друг с другом и чем было вызвано это явление автономизма. Мне кажется, что это была бы интересная работа, которая расширила бы наши представления о Гражданской войне.

В.В. Журавлев. Я тоже хочу присоединиться к высокому оценкам происходящей дискуссии. С многими прозвучавшими тезисами я согласен, но с некоторыми – нет. Остановлюсь на последних. Мне кажется, мы сталкиваемся с достаточно известной чертой научного знания: наука вообще склонна детализировать. Как только мы начинаем подробно изучать любой феномен, он распадается. Это свойство научного подхода давно описано, и это вовсе не характерно только для историков гражданской войны.

Другая сторона касается исторического именованья. Хорошо исследователям Древнего Египта: для своих описаний они пользуются терминологией, которая, бесспорно, не является египетской. Но для русского общества начала XX в. понятие «гражданская война» являлось термином политического языка задолго до начала Первой мировой, оно было концептом обыденного политического мышления. Я поддерживаю точку зрения, согласно которой термин «гражданская война в России» должен быть сохранен, но при полном осознании его статуса, подобного статусу, например, понятия «Смутное время». Это не означает, что эти два явления – одно и то же, а только то, что люди эпохи гражданской войны называли происходившее в 1917–1922 гг. на территориях бывшей Российской империи гражданской войной, подобно тому как люди начала XVII в. называли свое время «смутным». В таком смысле словосочетание «гражданская война» – это не научный термин, а выражение, взятое из источников и нуждающееся в нормативном источниковедческом истолковании.

Изнутри исторической науки, которая партикуляризирует и любит детали, имя изучаемому явлению выработать невозможно, это неразрешимая задача, но на философском уровне это может быть сделано. В.М. Рынков приводил в своем докладе концептуализации двух европейских авторов. Можно сколько угодно критиковать их за то, что они неверно понимали античный полис и происходившие в них конкретные конфликты. Это не имеет значения, так как данные авторы действуют философски, вырабатывая понятие гражданской войны как мыслительный инструментарий. Обращаться к этому инструментарию или игнорировать его – решать конкретному исследователю.

Также ответ на вопрос о хронологических рамках эпохи напрямую вытекает из того, чем вы данный период считаете. Однако этот отрезок истории, как и любой другой, только из описания его процесса объяснен быть не может.

В данном случае объясняющей категорией является понятие государственности. До отречения Николая II государственность была. В тот момент, когда он подписал известную бумагу, государство исчезло. Конечно, на практике оно исчезло не одномоментно, но неуклонный процесс его деструкции вступил в свои права. Я считаю, что не только временные режимы окраин, но и ленинская РСФСР, вплоть до подписания союзного договора, являлась временным государственным образованием. Это была некая общественная формация в постгосударственном или междугосударственном состоянии. Очень важно учитывать, что шел не только процесс деструкции, но и процесс консолидации. Это вторая сторона данной эпохи, которая проявлялась повсеместно и поверх линий фронтов, этот процесс происходил внутри белого лагеря, внутри различных окраинных образований и в «красном» центре.

В.И. Голдин. Мне представляется, что настоящая конференция и развернувшаяся в ходе нее дискуссия были плодотворными с точки зрения уже начальной заданности. Дело в том, что заранее, в ходе подготовки этого научного форума, почти за год до проведения, был определен ряд ключевых проблем, над которыми предстояло размышлять, сопоставляя разные существующие мнения и оценки, и приходиться к определенным умозаключениям. И вот такой финал конференции, этот круглый стол – это возможность высказаться, сопоставить приведенные умозаключения, суждения и оценки и прийти к каким-то выводам.отреагирую лишь на некоторые моменты дискуссии.

Тема, которую мы с вами обсуждаем, очень сложная, деликатная и требует к себе очень аккуратного отношения и взвешенных, продуманных оценок. Свою последнюю статью, опубликованную в № 3 журнала «Российская история» за этот год, посвященную современной историографии Гражданской войны в России [Голдин, 2022, с. 109–121], я начинал с двух примеров, когда события былых гражданских войн буквально сотрясали сегодня страны, в которых они когда-то происходили. Это, во-первых, 150-летие Гражданской войны в США (2015 г.), когда за этим последовала растянувшаяся на годы полоса разрушений памятников южанам, героям Конфедерации, которую окрестили «гражданской войной памятников». А за ней последовало, по существу, разрушение и всей американской истории, глубочайший кризис исторической идентичности в этой стране, что, сопровождаясь в дальнейшем скандальными кампа-

ниями двух президентских выборов и последующих событий, буквально раздиравших страну, привело к глубокому политическому кризису в США. И этот кризис, и хаос был привнесен затем американцами в мировую политику и вылился в системный кризис миропорядка, который сегодня мы наблюдаем.

Второй пример – это 80-летие Гражданской войны в Испании в 2019 г., которое ознаменовалось выносом останков маршала Ф. Франко из мемориала в «Долине Павших» и их перезахоронением. Это произошло накануне парламентских выборов в Испании, и социалисты надеялись извлечь политические дивиденды из этого акта, но результатом стало новая бурная дискуссия, разделившая и потрясшая эту страну. Поэтому, извлекая из этого опыт, следует руководствоваться известной поэтической и песенной фразой Владимира Высоцкого: «Осторожно с прошлым, осторожно – не разбейте глиняный сосуд». Это в полной мере относится к теме истории Гражданской войны в России.

На протяжении нескольких последних десятилетий я пытался в своих историографических книгах и статьях суммировать то ценное и концептуальное, что рождала российская и мировая общественно-политическая, а не только историческая, мысль. В 2000 г. вышла в свет монография «Россия в Гражданской войне», а в 2012 г. – книга «Гражданская война в России сквозь призму лет», где были и специальные главы, посвященные ее концептуализации [Голдин, 2000, с. 57–74; 2012, с. 90–97]. Замем была серия статей, где я пытался дать сконцентрированное определение во многом уникального феномена российской Гражданской войны. Но в ходе первого обсуждения (в 2021 г.) XII тома «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России», где я выступаю в качестве одного из двух ответственных редакторов, а, по существу, и руководителей авторского коллектива, неожиданно прозвучал вопрос: «А что такое гражданская война вообще». И члены главной редколлегии спонтанно пытались даже давать какие-то ее определения. В результате договорились, что начнем с ее базовых характеристик, прежде чем обращаться к характеристике Гражданской войны в России.

Реакцией на это обсуждение и предложение стало то, что во Введение к XII т. констатируется, что единое определение гражданской войны, явления, известного человечеству с древности, отсутствует, приведены основополагающие ее признаки, критерии и характеристики и дана отсылка на некоторые современные международные издания и публикации как исторического, так и междисциплинарного характера, в частности, связанные с осмыслением логики и психологии насилия в гражданских войнах, в том числе их эконометрии (в журнале Мирового банка),

оценивающие и современные гражданские войны, которых в мире сегодня несколько десятков, находящихся на различных стадиях [Калывас, 2019; Small, Singer, 1982; Understanding Civil War..., 2005; Payne, 2011; Gersovitz, Kriger, 2013, p. 159–190]. В ходе этой конференции и в опубликованном сборнике ее материалов я увидел ряд новых книг, например, Д. Армитаджа, к которым, несомненно, обращаться.

В международной литературе с рубежа 1980-х–1990-х гг., в том числе на данной конференции и в ходе обмена мнениями на этом завершающем круглом столе, речь шла о множественности войн и конфликтов в российской Гражданской войне, о серии или комплексе войн разного характера в ней. Об этом говорили в своих выступлениях, в том числе здесь, А.В. Ганин и Б.И. Колоницкий. Это все справедливо, но я хотел бы обратить в связи с этим внимание коллег еще на ряд проблем.

Во-первых, на то, что российская Гражданская война была частью глобального кризиса, связанного с мировой войной, вызвавшей целую серию войн, революций и конфликтов даже по ее окончании [Война во время мира..., 2014], а, во-вторых, была частью, по сути, происходившей Европейской гражданской войны, что аргументируется в ряде современных исследований зарубежных коллег [Holquist, 2002; Бриггс, Клэвин, 2006, с. 222–264]. Более того, процесс Гражданской войны в России следует рассматривать и с позиций мировой геополитики, формирования новой системы международных отношений, нового мирового порядка. И с этой точки зрения следует иметь в виду и анализировать не только решения Парижской (Версальской) мирной конференции, которая решала преимущественно вопросы, касающиеся Европы, но и Вашингтонской конференции (1921–1922 г.), обсуждавшей проблемы мирного урегулирования на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В связи с этим не соглашусь с В.М. Рынковым, оценивавшим события 1922 г. на Дальнем Востоке как нечто локальное, периферийное и определявшим 1921 г. как год окончания Гражданской войны. Выступая уже не только как историк, но как профессор международных отношений, подчеркну, что в действительности ее окончание на Дальнем Востоке, вынужденный уход японцев и окончание японской интервенции – это были события государственного значения для России и важная часть процессов мировой геополитики. К тому же на российском Дальнем Востоке велась не только борьба за окончание японской интервенции, но здесь имело место и столкновение межимпериалистических интересов и противоречий – американских, японских, британских, французских. В конечном итоге, России удалось отстоять свой Дальний Восток и вернуть его в состав стра-

ны. С этой точки зрения, освобождение Владивостока 25 октября 1922 г. была событием знаковым. К этому еще вернусь чуть позже.

Касаясь начала Гражданской войны в России в контексте так называемой короткой истории, т.е. событий 1917–1918 гг., я хотел бы напомнить коллегам об очень популярном в конце 1980-х–1990-х гг., но подзабытом сегодня концепте Российской революции как серии революций – рабочая, крестьянская, солдатская, национальная(ые), региональные, локальные, гендерная и др. А анализ развития, достижений, конфликтов и противоречий всех этих революций помогает глубже понять процесс движения страны и общества к Гражданской войне.

Но вернусь к проблемам выхода России из войны, ее окончания, что является главной темой нашей конференции и обсуждения на этом финальном круглом столе. Говоря об окончании Гражданской войны, надо четко понимать, что такое гражданская война вообще и чем была эта война в России. В зависимости от этого понимания будет делаться тот или иной вывод об ее окончании. В своем докладе, который открывал эту конференцию, я подробно говорил о признаках и критериях гражданской войны и в чем заключался во многом уникальный феномен российской Гражданской войны. Исходя из этого, я и делаю выводы об ее окончании.

Во-первых, напомню, что есть давно сложившийся концепт о начале и окончании Гражданской войны в России в узком и широком смысле. Первое означает ее окончание в 1920 г., и большинство историков относят это окончание к ноябрю или к концу года, завершению войны с Польшей и с армией Врангеля, эвакуацию последней из Крыма. Что касается ее окончания в широком смысле, то в зарубежной литературе чаще фигурирует 1921 г., и к этому же выводу пришел и В.М. Рынков в своей статье и в выступлении на круглом столе. В отечественной историографии доминирует 1922 г., и я тоже являюсь сторонником этого. Приведу основные аргументы в пользу данной точки зрения.

Это, во-первых, окончание Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке, освобождение Владивостока. К указанной теме еще вернусь чуть позднее. Во-вторых, это не только провозглашение, но и реально развернувшееся в 1921 и 1922 гг. осуществление нэпа и проведение в жизнь новой крестьянской политики. Это, в свою очередь, способствовало прекращению массового повстанческого, прежде всего крестьянского, движения и ликвидации его последних крупных очагов (Карельское восстание, антоновщина и др.). Так, в докладе М.Н. Тухачевского в ЦК РКП(б) 16 июля 1922 г. говорилось о ликвидации антоновского мятежа и совместном восстановлении советской власти [Советские полководцы...,

1988, с. 108]. В-третьих, это, безусловно, образование СССР, что означало победу центристремительных тенденций над центробежными, завершение объединительных процессов и новое собирание страны, создание нового типа государства, подведение своего рода правовой черты под советским государственным и национально-государственным строительством предшествующих лет.

Замечу в связи с последним, что в конце 2022 г. будет отмечаться столетие образования СССР и это характеризуется рядом интересных общественных и политических инициатив, серьезными размышлениями специалистов о результатах данного проекта для нашей страны и всего мира, о причинах распада или развала СССР, его последствиях и уроках и для современности. Добавлю, что в Санкт-Петербурге на протяжении нескольких последних лет реализуется проект под общим названием «Россия в эпоху реформ и революций». Его инициатором и руководителем выступает известный санкт-петербургский ученый, а в прошлом советский политический и государственный деятель, профессор В.В. Калашников. Издано четыре сборника материалов конференций. Два последних были посвящены, соответственно, перестройке в СССР и осмыслению советского опыта, и демонтажу СССР, событиям 1991 г. И если в первых сборниках (о Февральской революции и Гражданской войне) участвовали только историки (ведущие российские и иностранные ученые), то в двух последних – наряду с ними и политологи, и политики. В связи со столетием СССР я предложил В.В. Калашникову провести конференцию и издать сборник материалов, посвященных этой теме. Работа над этим уже ведется. 100 лет СССР и 30 лет без Советского Союза – это интереснейшая тема, которая заставляет нас осмыслить опыт национально-государственного строительства в большом историческом пространстве с точки зрения не только прошлого, но и настоящего, и будущего.

А сейчас хотелось бы вернуться к теме Дальнего Востока в связи с окончанием здесь Гражданской войны и интервенции. Хотел бы изложить аргументы, которые акцентируют особое значение событий, произошедших там в 1922 г., для страны и мировой геополитики.

Начнем с того, что Дальний Восток был тогда и является сегодня стратегически важным в экономическом и геополитическом отношении регионом страны. Поэтому прекращение военных действий там в 1922 г. и освобождение Владивостока имело принципиально важное значение для всей страны. Во-вторых, именно на Дальнем Востоке завершилась иностранная интервенция, которая и предопределяла затянутость Гражданской войны в этом регионе (и в

целом в России), и произошел вывод японских войск. Это сделало бессмысленным дальнейшее сопротивление остатков антибольшевистских сил и обусловило их уход в эмиграцию. Особо значимым был провал попыток создания на российском Дальнем Востоке марионеточного государства под японской эгидой.

Вхождение ДВР в состав РСФСР являлось важным процессом в рамках завершающего этапа объединения советских республик в новое государственное образование – СССР. События на Дальнем Востоке знаменовали собой и финал международной гражданской войны, попыток распространения и достижения победы мировой революции, если не на Западе, то на Востоке. Реализовать эти идеи в отношении Ирана, Турции, Китая, Кореи, Индии не удалось, но состоялся разгром остатков белогвардейских формирований на приграничных с Россией территориях Китая и Монголии, советско-монгольское военно-политическое сотрудничество, что вылилось и в создание МНР в 1924 г.

Наконец, окончание Гражданской войны на Дальнем Востоке стало и важной составной частью геополитических процессов в азиатско-тихоокеанской части планеты, складывания здесь новой, формирующейся по итогам Первой мировой войны системы международных отношений.

Вообще же, окончание Гражданской войны в России и выход страны из войны можно, как и ее начало, рассматривать и как процесс, который был довольно длительным. Начавшись в 1920 г., он завершился в 1922 г., когда страна окончательно переключилась с решения военных задач на восстановление и развитие разрушенного хозяйства, человеческих отношений и т.д. Да, оставались некоторые изолированные очаги сопротивления, которые были ликвидированы несколько позднее, но это не имело решающего значения.

В целом же обмен мнениями в рамках конференции и нашего круглого стола кажется мне продуктивным, рождающим новые мысли или желание поспорить и не согласиться с чем-то, и это нормально. Вообще любой диалог и обмен мнениями, дискуссии полезны. В связи с этим вспоминается мое участие как профессора-международника в форумах Европейского трансграничного диалога. К сожалению, данный процесс стал заходить и зашел в тупик после 2014 г., и сегодня диалог с зарубежными, главным образом с западными, коллегами становится все более затруднительным. Это продемонстрировала и настоящая конференция, проигнорированная большинством из тех, чье участие предполагалось. Об этом можно только сожалеть, так как продолжение научных контактов и диалога – одна из тех коммуникаций сотруд-

ничества, которая должна бы сохраняться в нашем все более конфронтационном мире.

На этом я хотел бы закончить свое выступление, поблагодарив всех коллег и участников конференции за интересное общение, которое здесь состоялось, и пожелать всем творческих успехов.

В.М. Рышков. Уважаемые коллеги! Время, отведенное на круглый стол, подошло к концу, и мы должны завершать. Мне кажется, состоялась плодотворная дискуссия, даже несмотря на то, что мы не пришли к однозначному ответу на ее ключевой вопрос. Никто и не предполагал, что это возможно. Состоялся обмен мнениями, смотр аргументов в пользу каждой из точек зрения. Мы успели высказаться и по отдельным, но принципиально важным для этой дискуссии конкретно-историческим сюжетам и по теоретическим проблемам. Круглый стол показал, что существует возможность исследовать эпоху даже не в двух разных регистрах – как единую Гражданскую войну и как серию пересекающихся гражданских войн. Число этих регистров больше, если учитывать международный контекст и сопредельные с Российской империей территории и в то же время рассматривать события на локальных пространствах и в оптике микроистории. Полагаю, что наше обсуждение будет стимулировать новые творческие поиски для более полного обоснования представленных здесь разных позиций. Благодарю всех участников нашей конференции, всех, кто принял участие в ее заключительной дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бриггс Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года до наших дней. М., 2006.
- Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М., 2014.
- Война, революция, мир. Россия в международных отношениях, 1915–1925. М., 2019.
- Голдин В.И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. 2022. № 3. С. 109–121.
- Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000.
- Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск: МГГУ, 2012.
- Калывас С. Логика насилия в Гражданской войне. М., 2019.
- Ковальчук М. Битва двух революцій: Перша війна Української Народної Республіки з Радянської Росією. 1917–1918 рр. / НАН України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. Київ: Видавничий дім «Стилос», 2015. Т. 1. 608 с.
- Ленин В.И. Тезисы о задачах партии + текущий момент // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1974. Т. 35.
- Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970. Т. 43.
- Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1974. Т. 36.
- Советские полководцы и военачальники. М., 1988.

Bohler J. Civil War in Central Europe, 1918–1921: the Reconstruction of Poland. Oxford; New York: Oxford University Press, 2018. XIV. 253 p. (The Greater War)

Gersovitz M., Kriger N. What is a Civil War. A Critical Review of Its Definition and (Ecometric) Consequences // The World Bank Research Observer. 2013. Vol. 28, N 2: August.

Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002.

Payne St.G. Civil War in Europe, 1905–1949. Cambridge, 2011.

Small M., Singer J.D. Resort to Arms: International and Civil Wars, 1816–1980. Beverly Hills, 1982.

Smele J.D. The 'Russian' Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. L.; N.Y., 2015.

Understanding Civil War: Evidence and Analysis / eds. P. Collier, N. Sambanis: In two vols. Washington, 2005.

REFERENCES

Bohler J. (2018). Civil War in Central Europe, 1918–1921: the reconstruction of Poland. Oxford, New York, Oxford Univ. Press, XIV, 253 p.

Briggs E., Clavin P. (2006). Europe of the New and Modern times. Since 1789 to the present day. Moscow, Ves' mir, 600 p. (In Russ.)

Bystrov V. (comp.) (1988). Soviet commanders and military leaders. Moscow, Molodaya Gvardiya, 368 p. (In Russ.)

Collier P., Sambanis N. (eds.) (2005). Understanding Civil War: evidence and analysis. Washington, World Bank Publ., vol. 2, 366 p.

Gersovitz M., Kriger N. (2013). What is a Civil War. A critical review of its definition and (ecometric) consequences. *World Bank Research Observer*, vol. 28, no. 2, pp. 159–190.

Goldin V.I. (2000). Russia in the Civil War. Essays on the latest historiography (second half of the 1980s–90s). Arkhangelsk, Borges, 2000, 280 p. (In Russ.)

Goldin V.I. (2012). Civil war in Russia through the prism of years: historiographical processes. Murmansk, MGGU, 333 p. (In Russ.)

Goldin V.I. (2022). Civil war in Russia: problems of modern historiography. *Rossiyskaya istoriya*, no. 3, pp. 109–121. (In Russ.)

Holquist P. (2002). Making war, forging revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Harvard Univ. Press, 359 p.

Horn D., Genwart R. (eds.) (2014). War in the time of peace: paramilitary conflicts after the First World War. 1917–1923. Moscow, New lit. obozreniye, 400 p. (In Russ.)

Kalivas S. (2019). The logic of violence in the civil war. Moscow, Pyaty Rim, 787 p. (In Russ.)

Kovalchuk M. (2015). The battle of two revolutions: The First War of the Ukrainian People's Republic with Soviet Russia. 1917–1918. Kyiv, Stilos, vol. 1, 608 p. (In Ukr.)

Lenin V.I. (1970). Report on the replacement of the prodravvyorstka with a tax in kind. In *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moscow, Politizdat, vol. 43, pp. 57–73. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974a). Theses on the tasks of the party + the current moment. In *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moscow, Politizdat, vol. 35, pp. 421–426. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974b). Immediate tasks of Soviet power. In *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moscow, Politizdat, vol. 36, pp. 171–207. (In Russ.)

Payne St.G. (2011). Civil War in Europe, 1905–1949. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 256 p.

Small M., Singer J.D. (1982). Resort to arms: international and civil wars, 1816–1980. Beverly Hills, SAGE Publ., 372 p.

Smele J.D. (2015). The 'Russian' civil wars, 1916–1926: ten years that shook the world. London, New York, Oxford Univ. Press, 423 p.

Vasil'eva N.Yu., Vishnyakov Ya.V., Vorotnikov V.V. [et al.] (2019). War, revolution, peace. Russia in international relations, 1915–1925. Moscow, Aspect-press, 496 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.10.2022

Дата рецензирования 03.11.2022

Статья принята к публикации 10.11.2022